

Еще раз о пользе чтения “между строк”. Методологические размышления

Вряд ли какой-либо историк осмелится утверждать, что он совершенно свободен от личных пристрастий по отношению к предмету своих занятий. Тем не менее, наука в целом, как корпорация или сообщество профессионалов, обязана постоянно стремиться к выявлению различных видов ангажированности и, по возможности, к избавлению от них. Цель настоящей заметки – внести посильный вклад в эту необходимую работу. Даже если нижеследующие рассуждения покажутся тривиальными, большого вреда от лишнего напоминания о подводных камнях исторической методологии, как мне кажется, не будет.

Хотя ангажированность или, попросту говоря, предвзятость порождается всякий раз вполне индивидуальным набором причин, среди последних можно выделить несколько более общих типов, под которые в той или иной мере попадают почти все индивидуальные случаи. Один из таких типов – это банальный фаворитизм, когда ученый испытывает глубокую личную симпатию или антипатию к тем или иным действующим лицам исторического процесса. Другой, очень хорошо нам известный, вид предвзятости – это методологическая предопределенность, заставляющая историка искать в исследуемых им явлениях и процессах некоторые категории, о которых он заранее знает, что они должны там присутствовать, поскольку так говорит жесткая методологическая конструкция, заданная а priori. Что из этого получается, известно всякому, кто наблюдал, к примеру, бесконечные баталии вокруг византийского феодализма в марксистской науке или современные разыскания на тему гомосексуальных переживаний в византийской монашеской литературе.

Сейчас, однако, мне хотелось бы сосредоточить внимание на еще одной разновидности предвзятости, или априорного, подхода к анализу эмпирических данных, т.е. применительно к исторической науке, к интерпретации источников. Этот тип ангажированности можно для краткости назвать мотивационной предвзятостью. Чтобы не вдаваться в пространные теоретические рассуждения, попытаемся раскрыть его сущность через одно из частных его проявлений, чрезвычайно распространенное именно в отечественной византистике. Всем известно, что значительное число личностей, сыгравших выдающуюся роль в истории Восточной Римской империи, почитается Церковью, как

Православной, так и во многих случаях Римско-католической, в качестве святых. Некоторых исследователей, принадлежащих к одной из вышеуказанных конфессий, этот факт заставляет делать вывод (в сущности вовсе не обязательный ни с догматической, ни с какой-либо иной точки зрения), что мотивы, которыми руководствовались такие люди в своих действиях, всегда были возвышенны и высоконравственны. Только законченный приверженец Емельяна Ярославского будет отрицать, что так оно очень часто и было. Предвзятость, а потому и методологическая несостоятельность упомянутого подхода заключается в том, что другие возможные объяснения тех или иных поступков той или иной исторической фигуры отвергаются с порога. Более того, получается, что исследователь как бы навязывает свой этический кругозор, зачастую весьма недалекий и примитивный, тем личностям, которых он, по своим венаучным убеждениям, должен был бы считать более квалифицированными судьями в этом вопросе. Если какой-либо святой был, скажем, политическим деятелем, его цели и методы их достижения выводятся за рамки политической сферы и подгоняются под некий моральный шаблон, хотя опыт человечества свидетельствует, что политические цели достигаются лишь с помощью некоторых специфических средств, которые могут быть более или менее нравственными, но в любом случае не сводятся к чисто этической мотивации. Среди таких средств очень важное место занимает пропаганда, т.е. целенаправленное воздействие на общественное мнение с целью формирования определенных настроений и завоевания поддержки. Однако в сознании некоторых благочестивых ученых пропаганда отождествляется с ложью, в результате чего из-за мотивационной предвзятости не только сам термин (употребление его, в конце концов, – дело вкуса), но и описываемое им явление с позором изгоняются из исторического дискурса.

Чтобы нагляднее представить происходящие отсюда последствия, приведем конкретный пример. В 846 г. патриарх Мефодий пишет письмо патриарху Иерусалимскому, где говорит, что не может вернуть священнический сан никому из бывших иконоборческих клириков, потому что ни один из них не покаялся. С точки зрения здравого смысла и теории вероятностей невозможно поверить, что среди сотен и тысяч людей не было хотя

бы нескольких исключений. Однако для мотивационно ангажированного историка это означало бы, что Мефодий говорит неправду, чего допустить нельзя уже по вне-научным соображениям. Поэтому такому исследователю остается лишь отстаивать крайне сомнительную версию событий, априорно отбрасывая другие, которые свободному от данного типа предвзятости ученому показались бы гораздо более правдоподобными.

Мотивационную предвзятость можно считать наиболее опасным видом ангажированности, потому что она имеет совершенно реальную опору в сохранившихся текстах. Действительно, практически все церковно-политические деятели Византии приводили для своих поступков именно те мотивы, которые ученым рассматриваемого здесь направления представляются единственно возможными для людей, чья святость засвидетельствована Церковью. Даже когда эти деятели стремятся выставить своих противников в черном свете, они, за редчайшим исключением, не покидают чисто этического поля, приписывая оппонентам такие побуждения как личная корысть, властолюбие, гордыня и т.п., которые, даже если и имеют место, по большей части отнюдь не исчерпывают список движущих сил реальной политики и исторического процесса в целом. Единственно, что требуется от мотивационно ангажированного историка – это как можно неприметнее отождествить идеологию (представляющую несомненно огромный самостоятельный интерес для исследователя) с политической деятельностью как таковой. Отсюда возникает требование верить источникам на слово¹.

Однако, поверив источникам на слово и отказавшись от чтения “между строк” (предполагающего, что у того или иного лица могли быть самые разнообразные мотивы, и пытающегося их отождествить), историк вынужден

идти на поводу у своих информаторов и закрывать глаза на все, что не вписывается в ту мотивационную картину, которую он считает приемлемой. Так, те, кто полагает, будто Феодор Студит столь ревностно боролся против снятия запрещения с Иосифа Кафарского только потому, что не мог вынести ни малейшего отступления от церковных канонов, совсем не замечают, намеренно или бессознательно, вопиющего пограния канонической дисциплины, происшедшего в то же самое время в стенах самого Студийского монастыря. Брат Феодора Иосиф, архиепископ Фессалоникийский, прибыв к нему в гости, ничтоже сумняшеся служил Божественную литургию в чужой епархии без ведома правящего архиерея (т.е. патриарха Никифора, легитимность которого студиты на тот момент не оспаривали). Между тем, как видно из постановлений ряда Вселенских и поместных соборов, подобное поведение Церковь считала весьма тяжким прегрешением². Это вовсе не должно означать, что Феодор был лицемером. Просто в деле об Иосифе Кафарском он, по-видимому, преследовал гораздо более далеко идущие цели, нежели каноническая акривия.

Некоторые вещи мотивационно предвзятые исследователи вообще вряд ли смогут объяснить, не прибегая к грубым натяжкам, просто потому, что заранее поставили себе барьер на некоторых направлениях научного поиска. Приведем напоследок еще один красноречивый пример, взятый из литературного наследия все того же Феодора Студита. В беседе 74 из Малого оглашения³ игумен обрушивается на императора Михаила II за его брак с Евфросиньей, дочерью императора Константина VI от его первой жены Марии. Евфросинья была монахиней, поэтому логично было бы ожидать, что Феодор будет говорить о нарушении обетов, неверности небесному жениху – Христу и т.п. На самом деле, упомянув об этом вскользь в одной

¹ В таком духе, в частности, выдержана рецензия А. Бармина на мою книгу “Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. 784–847” (М., 1997) в ВВ. 2000. Т. 59. С. 249–252. На поверку, однако, оказывается, что прочтение А.В. Барминым даже моего текста, лишенного, в отличие от византийских, намеков и неявного смысла, оказывается не вполне адекватным. Так, по мнению Бармина, автор «отказывается принимать за “риторические преувеличения” некие слова... Феодора (Студита), согласно которым ...архиереи будто бы допустили освобождение василевса от церковных правил» (с. 251). На самом деле в книге предпринимается попытка реконструировать в постановлениях собора 809 г. нечто, что Феодор риторически преувеличил до “освобождения василевса от церковных правил”. В связи с этим следует еще раз подчеркнуть, что обязательной предпосылкой чтения “между строк” является адекватное понимание самих этих строк.

² Большой вклад в анализ деятельности Феодора с мотивационно непредвзятой позиции внесла статья П. Карлин-Хайтер с весьма характерным названием: *Karlin-Hayer P. A Byzantine Politician Monk: St. Theodore Studite // JOB. 1994. 44. P. 217–232.*

³ *Theodori Studitae Parva Catechesis / Ed. E. Auvray. P., 1891.*

фразе, автор сосредоточивается на обличении Константина VI, этого “злого корня”. Выходит, основная вина Михаила в глазах Феодора в том, что он взял себе жену с плохой родословной. Между тем, Евфросинья и ее мать Мария были как раз главными жертвами, а отнюдь не соучастницами “злодейств” Константина. Любители верить источникам на слово обязаны будут в данном случае заключить, что, по мнению Феодора, грехи передаются по наследству и дети отвечают за преступления родителей, даже если они никак в них не замешаны или, более того, пострадали от них. Отсюда уже недалеко до прямой ереси. Однако несколько менее предвзятый историк может предложить иное, достаточно убедительное объяснение⁴. В борьбе между клановыми группировками византийской аристократии Феодор Студит занимал весьма четкую позицию. Он представлял интересы той группы, которая была оттеснена от власти при императоре Никифоре, отчасти вернула себе влияние при Михаиле I и одержала полную победу при Льве V Армянине (именно так, ярый иконоборец Лев и защитник Православия Феодор в системе клановых взаимоотношений принадлежали к одной и той же “партии”). Поскольку Михаил II по обстоятельствам своей

карьеры был также связан с представителями данной группировки (Вардан Турок, тот же Лев Армянин), Студийский игумен вместе со значительной частью византийской знати ожидали, что новый император сохранит политическую ориентацию Льва, но без его иконоборческих эксцессов. Михаил же своей женитьбой на Евфросинье недвусмысленно продемонстрировал, что будет опираться на противоположную группировку. Вот это и вызвало столь сильный гнев Феодора, заставивший его применить аргументы, мягко говоря, сомнительные в догматическом отношении.

В заключение хотелось бы высказать одно субъективное мнение. На мой взгляд, читать византийские источники также и “между строк” совершенно необходимо уже хотя потому, что их авторы, насколько можно судить, вкладывали в свои сочинения гораздо больше информации, чем это представляется при поверхностном чтении. Конечно, мы никогда не сможем расшифровать всего, что предназначалось только для посвященных, но это не значит, что не нужно и пытаться. И чем меньше у исследователя будет априорных ограничений, тем плодотворнее будут такие попытки.

Д.Е. Афиногенов

Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М.: Изд-во “Индрик”, 1997. 221 с.

Книга Д.Е. Афиногенова посвящена одному из наиболее сложных и запутанных периодов византийской истории вообще и истории византийской церкви в частности, “героической эпохе”, когда византийской церкви в лице ее выдающихся патриархов свв. Тарасия, Никифора и Мефодия удалось, в ожесточенном единоборстве с представителями “второго иконоборчества”, не только отстоять позиции православия, но и покончить с иконоборческой ересью, что оказало поистине судьбоносное воздействие на последующее развитие всего восточнохристианского мира. Автора при этом, как мне кажется, интересуют даже не столько события этой борьбы сами по себе, но их богословско-догматическая интерпретация как таковая, сколько те тексты, в которых эта борьба запечатлелась, их качество как источников по истории событий “непреходящего значения”.

Объем проделанной молодым исследователем работы впечатляет: изучен весь обширный комплекс относящейся к делу житийной литературы, эпистолография и хронография того времени, принята во внимание большая исследовательская литература по данной теме, в том числе основополагающие труды Гуйара, Джероу, Шпека и др. Работу пронизывает стремление автора избежать “опасных методологических ловушек, способных сделать беспредметным любое концептуальное утверждение” (с. 8, 133), преодолеть “чрезмерную приверженность предвзятым концепциям, которые давно пора радикально пересматривать” (с. 87), пересмотреть устоявшиеся представления, невзирая на авторитеты (на страницах книги достается немало таким известным исследователям, как Бек, Дворник, Грюмель, Александер, Дагрон), противопоставить “традиционной интерпретации свежий взгляд” (с. 49). И

⁴ Подробное обоснование для периода до 820 г. см. в работе: Turner D. The Origins and Accession of Leo V (813–820) // *IOB*. 1990. 40. P. 171–203. Мною собран дополнительный материал, подтверждающий эту концепцию, который будет представлен в статье о Михаиле II.